

Глава 12. Река

Ши Синцзюй, кое-как закончив стирку, сделала вид, будто отчаянно рвётся помочь племяннику, но после недолгих уговоров и препирательств всё же сдалась. Подхватив свой таз, Пятая тётя отправилась домой.

Юноша посмотрел на другой берег, где полоскали бельё остальные селяне. Те, кто жил там, обычно и стирали на той стороне. Удивительно зоркой оказалась его тётюшка: разглядеть его за несколько десятков чжанов через реку! Су Лин не верил в такие совпадения. Наверняка бабушка рассказала ей о визите Третьей тётюшки, вот та и не усидела на месте.

Говоря о бабушке, она всегда была странной. Непомерно любила старшего сына, обожала дочерей, и лишь своего младшенького, Ши Синсяня, откровенно не замечала. Если бы отец не был так похож на неё, Су Лин и вовсе усомнился бы в их родстве. Возможно, Третья тётюшка была права: к ребёнку, которого не растила своими руками, и чувств не возникает.

Да и он сам с детства не испытывал к старухе особой привязанности. Когда отец брал его с собой в деревню, он обычно оставлял сына под присмотром матери, а сам уходил по делам — собирать травы или осматривать больных. Маленький Су Лин был очень привязан к родителю и, не выдерживая разлуки, начинал плакать. Бабушка же, занятая пересудами с соседками, не обращала на него никакого внимания. Лишь когда его рёв становился совсем невыносимым и мешал их болтовне, она вдруг схватила кухонный нож и приставила к шее внука.

Он замер от ужаса. Этот страшный, чужой взгляд навсегда врезался ему в память. Позже, вернувшись домой, ребёнок пожаловался отцу, надеясь на утешение и защиту. Но Ши Синсянь лишь рассмеялся и сказал, что, должно быть, сын так сильно кричал, что бабушка, перепробовав все способы успокоить его, просто решила его припугнуть. Но Братец Лин, хоть ему и было всего пять лет, отчётливо помнил тот жуткий взгляд — в нём не было и тени шутки.

Было и ещё одно смутное воспоминание. Бабушка сидела с какими-то людьми и, глядя на него, что-то им сказала, после чего те схватили мешок и попытались поймать мальчика. Он отчаянно вырывался и кричал, и в конце концов они отступили. Когда он рассказал об этом отцу, тот снова лишь посмеялся, решив, что сын опять напугал. Мол, в деревне так часто пугают непослушных детей: «Будешь плакать — поймаем и продадим работоторговцам».

Эти два случая так глубоко запали ему в душу, что, повзрослев, Су Лин избегал близости с бабкой и никогда не оставался ночевать в деревне.

Погружённый в свои мысли, он стирал машинально. В конце концов, юноша просто прополоскал одежду в воде, кое-как отжал и сложил в таз. Главное — смыть с неё всю скверну. Так, за работой, он провёл первую половину дня, а когда солнце поднялось высоко, вернулся в дом и прилёг отдохнуть.

Ближе к вечеру Девятнадцатый так и не вернулся, и Су Лин начал беспокоиться. Охота в горах — дело опасное. Если повезёт, вернёшься с добычей, а если нет — сам станешь добычей дикого

зверя. Можно и жизни лишиться. Чем больше он думал, тем сильнее становилась тревога — и за свои два ляна серебра, и за живого человека.

Чтобы отвлечься, юноша решил постирать ещё. Если Су И не вернётся до заката, придётся ли ему идти в горы на поиски в одиночку? На родственников надежды нет, а с другими селянами он едва знаком. В деревне и впрямь без связей никуда.

Размышляя об этом, он спустился к реке и вдруг услышал, как его окликнул незнакомый голос. Обернувшись, он подумал, что в этом и есть главный недостаток деревенской жизни — повсюду знакомые лица.

— Вы?.. — удивлённо спросил он, увидев перед собой незнакомку.

Женщина с пустыми руками, полная, с густыми бровями и тяжёлыми веками, в грубом фартуке на поясе, смерила его взглядом с ног до головы, одобрительно кивая. Затем, заглянув ему за спину, она вдруг нахмурилась и пробормотала, что он, видать, плохо годится для деторождения.

— Ты ещё кто такая? — не выдержал Братец Лин такого бесцеремонного осмотра.

— Ишь ты, какой неженка, а характер-то с перчинкой, — презрительно фыркнула женщина.

Ши Цинъюнь сегодня пришла сюда специально по просьбе семьи Мясника Юаня — присмотреть гэ'эра. Внешность, конечно, была что надо, но вот бёдра узковаты — рожать будет трудно. Да и характер скверный, а глаза так и стреляют, как у лисы-оборотня. Такая жена принесёт в дом одни несчастья. Видимо, Мясника Юаня соблазнило только это смазливое личико.

Слова Бабки Цин были прямыми и грубыми, она не скрывала своего презрения. Хоть она и привыкла верховодить в деревне, так открыто она говорила редко. Всё-таки все селяне были друг другу родней, и связываться с целым кланом было себе дороже. Но Су Лин — чужак, сирота без отца и матери, без всякой поддержки. Его родственники лишь на словах добры, а на деле — кто она, не знала?

«Вот дурак был этот Ши Синсянь, — думала она. — Чтобы угодить тестю, позволил первому ребёнку взять фамилию матери. Теперь остался без наследников, только этот гэ'эр. Уж с ним-то она справится».

— Ишь, характер показывает, да ещё и брюхо нагулял! Как тебе не стыдно по деревне расхаживать? Говорят, ты несколько дней на горе прятался, людям на глаза боялся показаться.

Не успела она договорить, как на землю с шумом обрушился поток воды. Ши Цинъюнь на мгновение застыла, а затем разразилась яростным криком:

— Ах ты, шлюха наглая!

Су Лин, не говоря ни слова, зачерпнул из реки ещё один полный таз воды и выплеснул на неё. Бабка Цин никак не ожидала, что этот хрупкий на вид юноша осмелится поднять на неё руку. Облитая с ног до головы, она стояла, как мокрая курица, униженная и взбешённая.

— Ах ты... ты... сирота проклятая! Как ты смеешь меня обливать!

Братец Лин вскинул руку, демонстрируя бледную родинку беременности на запястье, и закричал:

— Разуи свои старые собачьи глаза и посмотри хорошенько! Моя родинка на месте, какой ещё ребёнок! Только и можешь, что порочить мою честь! Ты что, от бедности одно коровье дерьмо жрёшь? От тебя несёт за версту! Рот чешется и воняет? Возьми щётку да почисти! Нет, тебе надо свою вонь на людях распространять, чтобы все знали, какая у тебя пасть поганая!

Ши Цинъюнь топнула ногой и, ткнув пальцем в лицо юноши, перевела взгляд на его запястье. Она хотела было разразиться бранью, но, увидев родинку, застыла в изумлении. Лицо её стало похоже на палитру красильщика — смешение всех цветов.

Наличие знака на руке Су Лина доказывало его невинность.

«Так почему Юань Цзинцуй сказала мне, что он в положении?» — пронеслось в голове у старухи.

В тот день, когда Су Лин вернулся с рабом, он повзрослел и повздорил с Юань Цзинцуй у реки. Та, обезумев от злости, захотела, чтобы вся деревня узнала о «беременности» племянника, и потому наплела с три короба Ши Цинъюнь, зная её как первую сплетницу. Но позже, после разговора с мужем, Юань Цзинцуй поняла, что рвать отношения пока не время, и снова принялась заискивать перед юношей.

Обманутая Бабка Цин, увидев родинку беременности, опешила. У каждого гэ'эра была такая метка. Чем ярче её цвет, тем легче зачать. Она также служила знаком целомудрия. А Юань Цзинцуй уверяла её, что Су Лина тошнит, что он прячется на горе, отъедаясь рыбой и мясом.

Вода стекала с волос ей на лицо. Старуха провела по нему рукой и, сверкнув налитыми кровью глазами, прошипела:

— Ах ты, отродье! Да тебя увидев, мёртвые из могил восстанут! Сейчас не брюхатый, так скоро будешь! Уже притащил дикого мужика на гору, думаешь, ты всё ещё невинная девица? Бесстыжая потаскуха!

С этими словами она с хищным блеском в глазах замахнулась своей огромной рукой, намереваясь схватить его за запястье.

— Ты так ждёшь, что я забеременею? — отступая назад, выкрикнул Су Лин. — Я что, твоего отца носить буду или твою мать? Ты что, не умрёшь спокойно, пока не увидишь меня с животом? Видать, мне надо поскорее зачать твоего прадеда, чтобы оправдать твои ежедневные молитвы и заботу!

От ярости складки на лице Ши Цинъюнь затряслись, придавая ей ещё более свирепый вид. Она привыкла быть первой скандалисткой в деревне. Хотя она и была пришлой, никто не смел ей перечить. Привыкшая к своей безнаказанности, она вдруг столкнулась с дерзким юнцом, отчего сердце её затрепетало от растерянности и гнева.

— Я тебе язык твой поганый вырву! Шлюха, которую мать воспитать не успела!

— Если бы твои родители знали об этом из-под земли, им бы от стыда переродиться не захотелось!

Услышав эти слова, юноша, до этого лишь оборонявшийся, изменился в лице. Он с грохотом швырнул таз на землю и, тонкий, как бамбуковый шест, с неожиданной силой толкнул Ши Цинъюнь. Та, зашатавшись, отступила на несколько шагов и с громким всплеском рухнула в реку.

Бабка Цин в панике принялась барахтаться и кричать, как не умеющая плавать утка. На самом деле воды там было едва по пояс. Плотина в верховьях и засушливое лето сильно понизили уровень реки. Но, ошеломлённая яростным натиском Су Лина, она от страха принялась крыть его последними словами, поминая всех предков до восемнадцатого колена.

Услышав это, Су Лин прыгнул в реку, двумя руками схватил её за шею и с силой потянул под воду.

— Повтори!

Ши Цинъюнь захлебнулась, закашлялась, её лицо побагровело. Она забилась с поразительной силой и сумела вырваться из его рук. Со спутанными, мокрыми волосами она закричала:

— Убивают! Помогите, убивают!

Братец Лин пнул её, но та даже не шелохнулась, продолжая кататься по мелководью и истошно вопить. Он почувствовал, что силы его на исходе, и вышел на берег отдохнуть.

До заката оставалось ещё полтора часа. Все взрослые были в полях, дома оставались только дети. Услышав крики о помощи, они высунули головы из дверей, увидели барахтающегося в реке человека и, схватив бамбуковые шесты и связки тыкв-горлянок, бросились к берегу.

Подбежав ближе, ребята узнали в утопающей Бабку Цин, которую никто в деревне не любил.

Да и вода доставала ей лишь до колен. Зачем она сама сгибается и окунает голову в воду? Дети недоумённо переглядывались. Стоит ли бросать ей тыквы?

Мальчик лет десяти увидел сидевшего на берегу юношу и подбежал к нему.

— Старший братец, что случилось с Бабкой Цин?

— Она умереть хочет, а я удержать не смог, — равнодушно ответил Су Лин.

Услышав это, мальчик в ужасе побледнел и тут же скомандовал остальным детям протягивать старухе шесты и бросать тыквы.

— Бабка Цин, держитесь за тыкву! Она будет держать вас на воде! Хватайтесь за шест, мы вас вытащим!

Дети принялись тыкать в неё шестами. Ши Цинъюнь, как раз изображавшая утопающую, почувствовала, как ей в спину тычут бамбуковыми палками. Обернувшись, она увидела малышку, которая изо всех сил пыталась её «спасти». В припадке ярости она схватила один из шестов и дёрнула на себя.

Дети один за другим попадали в воду, бултыхаясь и поднимая фонтан брызг.

Су Лин, до этого наблюдавший за сценой со стороны, тут же бросился в реку вытаскивать их. Он никак не ожидал, что обезумевшая женщина начнёт топить детей. К счастью, река была мелкой, вода едва доходила им до пояса, и никто даже не успел нахлебаться.

Берег мгновенно наполнился шумом. Старшие дети ревели от страха, малыши вторили им. Их плач заглушил вопли Ши Цинъюнь. Раздосадованная, она застыла посреди реки, сверля Су Лина взглядом, подобным лезвию ножа. Выйти сейчас на берег — значит признать, что он не виноват. Не выходить — эти дети ревут так, будто это она их обидела. И так и этак было досадно.

Старуха заметила, что юноша успокаивает детей, и уже было открыла рот, чтобы обвинить его в том, что это он толкнул их в воду.

— Хочешь сказать, что это я толкнул детей? — опередил её Су Лин, заметив, как забегали её глаза.

Один из детей, которого он утешал, всхлипнул:

— Это не старший братец, это мы сами упали, когда хотели спасти Бабку Цин.

Ши Цинъюнь удивлённо раскрыла рот и, несколько раз моргнув, с недовольным видом нехотя выбралась на берег.

— Су Лин, я тебе этого дня не забуду! Ты меня в реку толкнул, я, Ши Цинъюнь, с тобой ещё не закончила!

— Ты так спешишь? Я ещё не договорил.

В этот момент мимо проходил один из селян, и Братец Лин намеренно громко крикнул ей:

— Какое тебе дело до того, что я купил мужчину? Я что, у тебя на содержании или твои деньги украл? Завидно? Так пойдя и купи себе, смелости не хватает? Давай я тебе одолжу? Если я ещё хоть раз услышу, как ты за моей спиной или мне в лицо языком чешешь, я тебя ещё раз речной водой накормлю!

Лицо Ши Цинъюнь исказилось от злобы, но, вспомнив его отчаянную ярость, она вдруг оробела.

— Хм, язык у тебя подвешен, я с тобой спорить не стану. Ты у меня ещё посмотришь! — прошипела она.

— С твоими-то мозгами смотреть? Да тебя бык за рога потянет, и то глупой сочтёт.

Услышав это, Бабка Цин снова разинула рот и ринулась на него.

— Вот видишь, стоило мне слово сказать, а ты уже призналась. Ты бы лучше подумала, кто тебе про мою «беременность» наплёл. Тебя втёмную используют, а ты и рада стараться, — сказал юноша, уворачиваясь.

Ши Цинъюнь замерла, остановив замах, и, бросив на него ещё один полный ненависти взгляд, похромала прочь.

«Вот вернусь, — думала она, — обязательно нажалуюсь матери Юань Башаня. Такого свирепого гэ'эра никто в жёны не возьмёт».

Унижение, которое она претерпела, старуха собиралась отыграть на семье Мясника Юаня. Не попроси они её присмотреть гэ'эра, она бы и не связалась с этим отморожком. А ещё она собиралась выяснить, что на уме у Юань Цзинцуй. Называет её родственницей, а за спиной так подставляет!

Сегодня она, конечно, проиграла этому щенку, но зато испортит ему выгодную партию. Пусть даже не мечтает выйти замуж за такую хорошую семью, как у Мясника Юаня. Эта мысль

немного успокоила её, позволив почувствовать, что она хоть в чём-то взяла верх.

После этого случая все деревенские сплетники узнали, какой у Су Лина крутой нрав. Даже властная Бабка Цин оказалась в его руках. Кто теперь осмелится его тронуть?

<http://bllate.org/book/15320/1354528>